

УДК 821.161.1

СИСТЕМА ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО РЕАЛИЗМА КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

А.Н. Паикуров

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В контексте литературоведческих дискуссий первой половины XX – начала XXI в. в статье впервые целостно рассматривается вопрос о русском просветительском реализме как системе в отечественной литературной культуре 1760–1820-х годов. Высказывается гипотеза о центральной роли данного явления в развитии русской словесности рубежа XVIII – XIX вв., о его синкретичной направленческой и жанрово-тематической природе. На обширном историко-литературном и литературно-теоретическом материале делаются прогностические выводы о цельности идеологии просветительского реализма в России с точки зрения главенствующих концептов рационального/эмоционального начала, долга/добродетели, внесловной ценности человеческой личности. Намечены выходы к перспективам исследования идеологием просветительского реализма и Просвещения в фокусе задач так называемой «срединной культуры» в её генезисе и развитии.

Ключевые слова: просветительский реализм, литературоведческие дискуссии, идеология Просвещения, «срединная культура», эволюция жанровой системы русской литературы

Феномен просветительского реализма отличается динамическим своеобразием. С одной стороны, по времени своего появления это характерное литературное направление переходной эпохи середины XVIII в., сосуществующее с классицизмом (в ряде случаев между ними обнаруживаются и показательные зоны пересечения интересов – к примеру, в новом подходе к освоению наследия фольклора). В этом свете, что примечательно, просветительский реализм оказывается в хронологической картине *до* расцвета новаций сентиментализма и предромантизма и, соответственно, предстаёт гораздо более консервативным и жёстко нормативным в своей поэтике.

С другой стороны, просветительский реализм – это явление бесспорно эпилоговое, итоговое для отечественной литературной культуры XVIII столетия, с ярко выраженной синкретической природой, в его системе устойчиво переплетаются приметы большинства других литературных направлений периода 1720–1810-х годов: классицизма (в некоторых случаях есть и реликты барочного мировидения), сентиментализма, предромантизма. Просветительский реализм собирает в фокусе своего восприятия большинство ключевых проблем литературной идеологии того времени, давая собственную интерпретацию диалогам

рассудка и чувства, социального долга и надсоциального вдохновения, книжной и фольклорной составляющих единой литературной культуры.

При всём этом очевидно (что признают как сторонники термина *просветительский реализм*, так и его противники) и решающее прогностическое влияние этого явления на генезис и расцвет одного из двух ведущих направлений отечественного литературного процесса XIX в. – реализма (в недавней нашей научной традиции чаще именовавшегося *критическим реализмом*). Кроме того, возвращение к рассмотрению проблемы просветительского реализма на страницах «Учёных записок Казанского университета» также представляется нам принципиально важным, поскольку в 60-е годы XX в. новый поворот дискуссии об этом направлении дали исследования одного из основателей казанского литературоведения XX в. – Николая Александровича Гуляева [1].

Анализ просветительского реализма как системы подразумевает рассмотрение трёх основных вопросов:

- а) о специфике и содержательном наполнении термина;
- б) о ключевых идеологемах (комплексе идей) данного явления;
- в) о динамике жанровой структуры направления.

1. Просветительский реализм как терминологическая проблема в отечественном литературоведении

Обратимся к истории термина *просветительский реализм*. Генезис этой терминологической проблемы пришёлся в отечественной науке о литературе на 50-е годы XX в., ознаменованные новым витком интереса к идеологии русского Просвещения в его социально-философской выраженности. Весьма примечательна в этом отношении фундаментальная монография В.Н. Орлова «Русские просветители 1790–1800-х годов» (1953), ставшая лауреатом Сталинской премии третьей степени (см. [2]). Автор ставил задачу исследовать эволюцию так называемой «радищевской» школы в русской словесности и её влияние на процессы формирования системы литературных сообществ первых этапов XIX столетия, а также выявить связанные с этим новые тенденции в гражданской поэзии (не случайно фактически первого монографического освещения удостоились заслуги Ивана Пнина и Василия Попугаева [2, с. 91–207, 281–356]).

В 1957 г. к вопросу о просветительском реализме вернулся один из мэтров литературоведения той эпохи – У.Р. Фохт, соотнесший с вышеозначенным социолитературным контекстом вопрос о существовании просветительских/дидактических тенденций в раннем русском реализме (см. [3]). В 1969 г. филолог продолжил развитие своей концепции в одном из разделов коллективной монографии «Проблемы типологии русского реализма» (см. [4]). Любопытно, что, предвосхищая достаточно острые дискуссии 70–90-х годов (о предромантизме и предклассицизме), Фохт воспользовался для описания искомого явления так называемым «ретроспективным» термином, поименовав интересующий его объект *пред-реализмом* [3, с. 21–22].

Наконец, Л.И. Кулакова одной из первых поставила в науке вопрос о единстве политико-философской идеологии Просвещения (как в европейском, так и в российском его вариантах) и системы литературных направлений XVIII столетия (см. [5]).

Если бы отечественные исследователи оставались в жёстких идеологических рамках, кризис концепции просветительского реализма был бы неизбежен вместе с угасанием советского литературоведения. Однако этого отнюдь не произошло, что во многом оказалось обусловлено и самой «двойственной», диалектической, по определению Н.А. Гуляева, природой просветительского реализма [1, с. 175]. Дело в том, что в природе этого явления изначально заключена ориентация одновременно и на политико-философское, и на социально-дидактическое начало. Символично, что именно усиление акцента на второй из этих сторон привело отечественное литературоведение уже в начале 2000-х годов к абсолютно логичной и органичной формуле о «воспитательном пафосе русского Просвещения» (см. [6]). Вот как комментирует этот феномен известный петербургский исследователь Р.Ю. Лаппо-Данилевский: «В ряду исторических эпох, отмеченных определённым единством культурного развития, эпоха <...> Просвещения представляется временем, когда культура была особенно тесно связана, буквально переплетена с политикой в широком значении этого понятия <...>. Россия, пересоздававшая себя, остро нуждалась в новых методах общественного и индивидуального воспитания» [6, с. 187]. Всё это нашло своё оригинальное отражение и на уровне жанровых поисков, симпатий и антипатий словесности – не случайно сложилась в сознании отечественной литературной культуры проблема преодоления влияния так называемых «романов-развратителей» (см. [7]).

Для выявления центров поэтики просветительского реализма необходимо вновь вернуться к истории дискуссий о нём в отечественной науке второй половины XX в. Фактически первая целостная концепция феномена просветительского реализма и его роли в отечественном историко-литературном и историко-культурном процессах была предложена авторитетнейшим литературоведом Г.П. Макогоненко (см. [8; 9, с. 103–111]). Два ведущих тезиса программы просветительского реализма в видении Г.П. Макогоненко таковы:

- идея о внесловной ценности личности в единстве патриотического, гражданственного и общественного «векторов» её окружения;
- представления относительно обусловленности характера средой национального и общего бытования и бытия¹.

Концепция *просветительского реализма*, предложенная Г.П. Макогоненко, достаточно быстро нашла убеждённых последователей, прежде всего в лице Н.Л. Степанова [11–12] и В.И. Глухова [13]. Существенный факт: если Г.П. Макогоненко ограничивал существование просветительского реализма именно XVIII столетием, то в концепциях его сторонников границы явления значительно «раздвинулись» – по первые десятилетия XIX в. включительно. Кроме того, важно, что уже Н.Л. Степанов обратил внимание на нежелательное расширение смысловых границ понятия *просветительского реализма* в исследованиях Г.П. Макогоненко, на чём позже подробнее остановились наиболее концептуальные противники этой теории (Ю.В. Стенник, В.А. Западов). Н.Л. Степановым разработана была и первая, а в известном смысле – и единственная, детальная концепция основополагающих черт «просветительского реализма» как

¹ Это интересное положение в начале XXI в. будет развито у Ю.Б. Борева (см. [10]).

феномена русской литературы (итога – десять основных положений: от тезиса об «изображении действительности... в её социальном качестве» – до гипотезы о «статичности, неизменности характеров» и о «рационалистическом построении [художественного – А.П.] образа» [11, с. 177]).

Заметным событием для науки стало вступление в развернувшуюся теоретико-литературную и историко-литературную дискуссию Н.А. Гуляева – учёного с мировым именем, вставшего у истоков нового целостного изучения романтизма в русской и зарубежной литературе. Именно этот филолог-исследователь предложил ключевой теоретико-методологический подход: рассматривать историко-литературный процесс с точки зрения типов художественного творчества. В истории литературы Нового времени им выделяются две контрастные, но при этом взаимодействующие модели: *пересоздающая* (так называемый *романтический* тип творчества) и *воссоздающая* (*реалистический* тип). Вне сомнений, просветительский реализм – явление второго порядка.

Согласно концепции Н.А. Гуляева, просветительский реализм – один из закономерных этапов истории мирового реалистического искусства, обусловленный изменениями в социально-общественной и нравственно-эстетической жизни европейского и российского общества.

С одной стороны, решающую роль в его появлении играют перелом общественных отношений в Западной Европе (активизация так называемого «третьего сословия» и др.) и сохранение в литературно-философской культуре убеждения в возможности гармоничного общественного развития. В связи с этим идеологической основой просветительского реализма и становится просветительская философия с её верой «в силу слова и морального примера» и в литературу как средство воспитания нового человека и подготовки разумных форм жизни [1, с. 170]. Просветительский реализм, всё явственнее проявляя интерес к «материальным условиям жизни», проводит критику пороков общества ещё не в определённой конкретной сфере (политика, экономика и пр.), а в общей – идеологической, вследствие чего на первый план в изображении выдвигаются морально обобщённые обстоятельства и характеры. Критический же реализм XIX столетия, замечает далее учёный, станет изображать человека и его жизнь в мире уже в его «материальной практике» [1, с. 171].

Но, с другой стороны, художественный метод нельзя сводить к идеологии, утверждает Н.А. Гуляев, полемизируя с Г.П. Макогоненко. Поэтому чрезвычайно важным оказывается вопрос о своеобразии эстетической программы и метода просветительского реализма. Эпицентром, согласно гуляевской гипотезе, служит представление о том, что «миром правят мнения» и, как следствие, существует реальная возможность преодоления общественных противоречий через общественное воздействие. Говоря о взаимосвязи просветительской идеологии и определённого литературного направления России и Запада, вне сомнения, нельзя абсолютизировать этот факт, в противном случае возникает опасная тенденция отождествлять различные направления/методы, обращающиеся к Просветительству (например, классицизм и просветительский реализм). В этом контексте и возрастает значимость анализа эстетической программы того или иного направления. В отличие от классицизма, просветительский реализм чётко выдвинул следующие постулаты:

- «преодолеть отрыв искусства от современности» [1, с. 172];
- «правда и выразительность» – главные законы художественного творчества [1, с. 172–173];
- образы – не только и не столько идеал одного автора, «они вбирают в себя чувства и мысли людей своего социального круга и тем самым приобретают право на типичность» [1, с. 174].

Что касается последней проблемы, в просветительском реализме сосуществуют два «слоя» изображения: а) «реальный, бытовой, списанный с натуры» и б) «созданный воображением писателя», с идеальными героями и яркой дидактической установкой [1, с. 174].

Вариантов конкретного воплощения этой художественно-философской установки может быть несколько: или сохраняется от классицизма деление героев на положительных и отрицательных, или один герой в соответствии с логикой развития и соотношением отмеченных выше «слоёв» претерпевает «внутреннюю трансформацию»/эволюцию (чаще всего представлены такие этапы: порок – жизненный опыт – нравственное возрождение/перерождение на пользу общества).

Чрезвычайно важно в концепции Н.А. Гуляева и итоговое концептуальное заключение: «Художественные методы не намертво прикреплены к единому историческому периоду, они часто продолжают жить и в другое время, в несколько иных исторических условиях, но уже не составляя господствующего литературного направления» [1, с. 176]. Соответственно, и «просветительский реализм не умирает вместе с XVIII веком», «отдавать» всё XIX столетие лишь «критическому реализму» – ошибочно [1, с. 175].

Важным рефреном научных концепций о генезисе и развитии русского просветительского реализма стало также подчёркивание его преемственной связи с европейским литературным и философским процессом. Прежде всего стали писать учёные о знаковой для русских писателей последних десятилетий XVIII в. роли трудов Дидро², Свифта, Монтескьё. Налицо, допустим, преемственность таких жанрово-тематических явлений, как восточная повесть (в России – «Каллисфен» Д.И. Фонвизина (1780), «Каиб» И.А. Крылова (1792), в предшествующем контексте Европы как один из истоков всей традиции – «Персидские письма» Монтескьё (1721)), сатирическая антиутопия (от Дж. Свифта до А.Н. Радищева).

Абсолютизация роли философской идеологии, впрочем, привела науку и к известным крайностям. Так, В.В. Кожин, настаивая на однонаправленной линии литературного развития (от классицизма к реализму), предложил расположить между этапами-звеньями классицизма и сентиментализма как раз *Просветительство*, но не как комплекс философских теорий, учений, а уже как самостоятельное направление в русской словесности второй половины XVIII в. [14]. В итоге именно это стимулировало вступление в дискуссию противников концепции просветительского реализма. Учёные этой «партии» выделили следующие спорные и уязвимые места в концепциях предшественников:

---

² Труды и идеи Дидро всячески популяризировала в России сама Екатерина Вторая, творчество которой – назидательные комедии и «государственные трагедии» – также никак нельзя списывать со счетов в историко-литературном процессе второй половины XVIII в., в том числе соотнося его и с поэтикой просветительского реализма!

а) избыточное расширение понятийно-временных границ явления просветительского реализма: к этому направлению начинают бездоказательно относить большинство произведений русской литературы второй половины XVIII в. (от журналов Н.И. Новикова и прозы М.Д. Чулкова до философских од Г.Р. Державина и даже лирики В.И. Майкова и И.Ф. Богдановича). По этому поводу Ю.В. Стеник провёл первую развёрнутую полемику с теорией Г.П. Макогоненко (см. [15]);

б) объединение (а в итоге и смешение) в филологических обзорах явлений литературного и философско-идеологического порядка. В.А. Западов, раскрыв недостатки концепции В.В. Кожина, в противовес его схеме «от классицизма – к реализму» выдвинул свою картину представлений о диалектике главных литературных направлений в русской словесности XVIII в. (см. [16]);

в) непрояснённая проблема соотношения в просветительском реализме различных методов и примет других литературных направлений. На примере драматургии Д.И. Фонвизина раскрыла ошибочность многих суждений сторонников выделения *просветительского реализма* Л.И. Кулакова (см. [17]);

г) эклектизм выделения черт феномена просветительского реализма. Подробно в этом аспекте на концепции Н.Л. Степанова остановился В.А. Западов [16]. Интересный диалектический парадокс заключается в том, что параллельно с критикой теории *просветительского реализма* в трудах предшественника Западов вносит в неё очень важное уточнение: им отмечено знаковое влияние на драматургию и взгляды Д.И. Фонвизина показательной просветительской философии Гельвеция [16, с. 58–59]. Кроме того, будучи принципиальным противником термина *просветительский реализм*, учёный абсолютно спокойно переносит эпитет из него на... классицизм, размышляя в своей последней книге о специфике *просветительского классицизма* [16, с. 20].

Целый комплекс очень существенных моментов касательно концепции «просветительского реализма» остался, тем не менее, в науке о литературе нераскрытым и/или непрояснённым.

Первый момент касается предлагаемого термина-«заменителя». Ю.В. Стеник предпочёл ограничиться рамками одного столетия: в его исследованиях фигурирует просто «реализм в русской литературе XVIII века» [15]. Но нельзя забывать, что ряд действительно знаковых открытий в творчестве Д.И. Фонвизина, А.Н. Радищева³ и многих других писателей успешно «перешёл» в сходном качестве в словесность начала XIX столетия. Сатиры М.В. Милонова, романы В.Т. Нарезного и А.Е. Измайлова (его просветительскому роману «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и общества» (1799) ещё в лицейские годы творчески подражал А.С. Пушкин), философские трактаты П.А. Словцова (прежде всего философско-поэтический трактат «Материя» (1796), одна из первых после ломоносовских экспериментов русских «теоретических поэм»), наконец, басни И.А. Крылова – всё это явления того же порядка, но уже в изменившихся культурно-исторических условиях.

В.А. Западов использует вместо термина *просветительский реализм* понятие *ранний реализм*. Некоторые (и существенные!) возражения – налицо. Если такие

³ Кстати, все наиболее последовательные критики концепции «просветительского реализма» чётко и сознательно ограничивались очень малым набором произведений русской литературы 2-й половины XVIII в.: комедии Фонвизина (приоритетно – «Недоросль») и роман Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

феномены, как классицизм и сентиментализм, действительно достаточно «локальны» в истории русской словесности, то реализм необыкновенно «расплёснут» во времени, история его становления и эволюции насчитывает к настоящему моменту уже около трёх столетий. Говорить о сентиментализме *раннем* и *позднем* вполне в этом свете корректно (истоки – творчество М.М. Хераскова, Ф.А. Эмина, М.Н. Муравьёва, а закат – «альбомная лирика» школы И.И. Дмитриева, проза П.И. Шаликова, поэзия Г.А. Хованского и М.А. Пospelовой). Выделение же «раннего» реализма, к примеру у А.Н. Радищева в 1780–1800-е годы, не даёт достаточно оснований для того, чтобы определить, какие же авторы представляют «позднюю» стадию этого явления: Л.Н. Толстой ли в XIX веке, М.А. Шолохов ли в XX столетии или иное какое-либо творчество иного какого-то автора?..

Второй спорный момент связан с представлениями о художественном методе писателей просветительского реализма. Например, Ю.В. Стенник, рассмотрев в этом аспекте «Недоросль» Д.И. Фонвизина, сделал неожиданный вывод о том, что пьеса эта во многом соответствует... канонам классицизма [15]. Подробнее на нашем видении проблемы мы остановимся ниже, здесь же заметим, что реализм в русской литературе XVIII – начала XIX в. действительно носит ярко выраженный синкретический характер (в «Недоросле» наряду с приметам классицизма можно ясно выделить и развёрнутую «линию сентиментализма» – в сюжете о Софье и Милоне), однако решающей роли реалистической поэтики это отнюдь не снижает. Так, А.Н. Радищев в «Житии Фёдора Васильевича Ушакова» (1789) одним из первых рассмотрел вопрос о зависимости характера личности от условий среды в социально-философском её понимании: *Человек есть хамелеон, принимающий на себя цвет предметов, его окружающих... с куклами – кукла общества, в коем мы обращаемся. Общежитие вселяет в нас род своих мыслей и побуждает нас то называть добрым, что оно добрым почитает* (Р.Ж.). Позже, уже с глобально философских позиций, к сходной проблеме выйдет П.А. Словцов, объявив главным смыслом Бытия движение объективной материи: *Материя, все массы образуя, / И бесконечну цепь существ связуя... / Объемлет все... / От грубой глыбы даже до Творца* (С.М.).

Более частный, но так же типологически важный характер носят известные признания Д.И. Фонвизина о том, что, готовясь выписывать характер г-жи Простаковой в знаменитом «Недоросле», он специально ходил на рынок, преднамеренно ссорил торговков, прицениваясь к разным товарам, а в самый разгар начавшейся битвы за покупателя незаметно отходил в сторону, подробно записывая, по методике копировки с натуры, жесты, манеру поведения и язык разгневанных простых женщин (в контексте проблемы просветительского реализма эти факты рассматриваются в том числе В.А. Западным [16, с. 53–79]).

Третий момент заключается в том, что при справедливой критике чрезмерных идеологических «перекосов» в теориях о *просветительском реализме* противники этой концепции, действуя в известном смысле от обратного, как правило, предпочитали и предпочитают вообще «затушевать» или не детализировать вопрос о влиянии определённых философских учений эпохи Просвещения на того или иного писателя русского реализма XVIII – начала XIX в. Максимально возможный вариант – отсылки на отдельные факторы-параллели, (к примеру, влияние

идей Гельвеция на Фонвизина), но при этом само прослеживание прямых линий воздействия философии Просвещения на литературу весьма не приветствуется⁴.

В дискуссиях о сути просветительского реализма и о самом факте его существования примечательную позицию занял в 70-е годы XX в. известный исследователь русской литературы XVIII в. В.И. Фёдоров. Фактически к концу XX столетия его концепцию можно считать одним из показательных итогов литературоведческих дебатов и наблюдений. Признавая непрояснённую некоторых постулатов о просветительском реализме в трудах Г.П. Макогоненко и Н.Л. Степанова, в том числе применимость ряда характеристик («рационалистическое построение структуры произведений», «дидактизм автора» и пр.) и к поэтике классицизма, учёный всё же отмечает, что многие из выделяемых предшественниками примет *просветительского реализма* прекрасно видны и обнаружимы в раннем сатирико-реалистическом творчестве И.А. Крылова [19, с. 140–145]. Важно и интересно и ещё одно замечание В.И. Фёдорова – о том, что *реализм конца XVIII в.* (у А.Н. Радищева и его современников) уровня реализма как художественно-эстетической системы ещё не достиг.

Выход из сложившегося методологического противоречия исследователь видит в том, чтобы признать взаимодействие реалистических и раннеромантических [поздние его работы «корректируют» это определение: *предромантических – А.П.*] тенденций в творчестве писателей так называемого *просветительского реализма*. Перед эпохой наступления господства реализма, с точки зрения В.И. Фёдорова, именно этот этап помог словесности «добиться глубокого анализа психологии характера, раскрыть полнее душу человека» [19, с. 152]. Так, в творчестве А.Н. Радищева, согласно концепции В.И. Фёдорова, реалистические и раннеромантические (предромантические) тенденции особенно интенсивно взаимодействуют в явлении *психологического лиризма* и в новом отношении к фольклору.

В начале XXI в. (примечательный факт!) дискуссия о просветительском реализме возобновилась. В многотомной коллективной монографии «Теория литературы» (ИМЛИ РАН) к понятию *просветительский реализм* вернулся известный теоретик эстетики и литературы Ю.Б. Борев (см. [10]). Для этого учёного просветительский реализм – не только аксиоматически самостоятельное литературное направление, но и суверенный значимый этап в общей картине «поиска вектора действий человека в мире» в «эпоху Нового времени» [10, с. 205–206]. По мнению Ю.Б. Борева, подкрепляемому им на материале западной словесности (Дидро, Свифт, Шиллер), просветительский реализм в центр мира ставит «инициативного, авантюрного человека в быстро меняющемся мире» [10, с. 205]. «В отличие от критического реализма, – пишет Ю.Б. Борев, – просветительский реализм типические характеры ставит в экспериментальные, а не в типические обстоятельства» [10, с. 211]. Такого рода установка и дала возможность А.Н. Радищеву свободно сочетать в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1784–1789) «картинки с натуры» («Новгород» и ряд других «глав-станций»)

---

⁴ Любопытно, что в смежном измерении отечественной гуманитаристики – в исследованиях по теории и истории философской мысли России XVIII в. – просветительская составляющая литературной культуры той эпохи, напротив, всемерно акцентируется и подчёркивается, выделяются такие её ветви, как материалистически-деистические теории, просветительская антропология, масонские мироучения и некоторые другие (см. [18]).

и главы в стилистике философской утопии и антиутопии (идеальный «Хотиллов» – и порочная «Спасская полость»). То же самое можно говорить и о творческой позиции Д.И. Фонвизина, вскрывшего в «Недоросле» (1782) сложнейший механизм столкновения истинного и ложного воспитания через гиперболизированно негативную ситуацию, сложившуюся в имении Простаковых – Скотининых.

2. Идеологемы просветительского реализма

Типологические особенности просветительского реализма как суверенного литературно-философского направления неразрывно связаны с его идеологией. От теоретико-методологического и науковедческого аспектов перейдём теперь к аспекту историко-литературному.

В последние десятилетия всё более частотным становится в науках гуманитарного цикла взгляд на историю культуры и словесности как на поле взаимодействия различных национальных идей и доктрин. В отношении к интересующему нас периоду второй половины XVIII – начала XIX столетия тоже определились свои приоритеты. К примеру, А.С. Курилов предлагает исследовать русскую литературу XVIII в. и её мировое значение через соотношение начал «поэзии праздника» и «прозы обыденного» (см. [20]). А.В. Петров сосредоточил центральное исследовательское внимание на проблеме становления художественного историзма (см. [21]). Т.Л. Воронин рассматривает историю отечественной словесности XVIII в. в диалоге с философией русского православия (см. [22]).

Первое, на что сразу необходимо обратить внимание, говоря о философской платформе явления русского просветительского реализма, – факт неоспоримой значимости для писателей русского реализма 1760–1820-х годов идей/учений европейской просветительской мысли. Д.И. Фонвизин начал свой творческий путь в 1760-е годы с переложений басен известного датского философа-просветителя Людвиг Гольберга. Ощутимо влияние идей Дени Дидро и Вольтера в прозе и журнальной практике И.А. Крылова, в том числе в наиболее известных его произведениях – в сатирическом журнале-трактате «Почта духов» и в игровой «восточной» повести «Каиб». Идеи Клода Гельвеция в равной степени были актуальны для Д.И. Фонвизина (см. подробнее [16]) и для А.Н. Радищева (к примеру, 2-я часть «Жития Фёдора Васильевича Ушакова», полностью посвященная философским трудам героя, во многом базируется на творческой интерпретации русским просветителем труда его европейского единомышленника «О Разуме»).

Наиболее востребованными для писателей-реалистов конца XVIII – начала XIX в. оказались такие общие постулаты идеологии Просвещения, как идея о *«воспитании ума и образовании сердца»* (русский её аналог был разработан в трудах Н.И. Новикова) и представления о *«внесловной ценности человека»*. Специфика осмысления первой идеи писателями интересующего нас направления заключается в философско-гражданственном эксперименте – в стремлении найти модель идеального равновесия двух этих составляющих, рациональной и эмоциональной. В определённом смысле идёт возврат на новом витке к ситуации барокко с той существенной разницей, что теперь такое «равновесие» (примерное равенство) начал Рассудка и Чувств выступает не основой пессимистического

мировидения (человек в трагическом мире контрастов, парадоксов и катастроф), а призывом/стимулом к активному общественно направленному действию (то же в европейском философском контексте отмечает и Ю.Б. Борев [10]).

А.Н. Радищев в главе «Крестьяны» «Путешествия из Петербурга в Москву» в уста героя, старого дворянина, провожающего сыновей на службу, вкладывает ключевое в этом свете представление о необходимости строгого следования трёхзвенной системе становления истинного «гражданина Отечества»: *Трудитесь телом, трудитесь сердцем, трудитесь разумом* (Р.П.). В итоге приходит этот писатель-мыслитель и к признанию существования особого рационально-нравственного феномена в природе нового человека – «разумное сердце» (среди прочего оно предполагает «почтение к себе» и «собственное благо» – интересное предвосхищение теории «разумного эгоизма» у героев Н.Г. Чернышевского в XIX в.!). Д.И. Фонвизин, один из создателей просветительской «высокой» комедии в русской драматургии, итоговые размышления о необходимости гармонии разума и чувств/сердца включил в программу самого любимого своего героя – резонёра Стародума в «Недоросле»: с одной стороны, человек этот чётко ориентирован на прагматизм и рационализм науки и воспитания Петровского времени, с другой – неустанно повторяет молодым друзьям завет своего отца: *Имей душу, имей сердце – и будешь человек во всякое время...* (Ф.Н.).

Рассмотрение поэтософской идеи о диалоге рационального и эмоционального начал позволяет сделать на материале системы просветительского реализма и ряд прогностических выводов культурно-философского плана. Речь идёт о тенденциях так называемой «срединной культуры» (см. [23, 24]), уже к середине русского XVIII в. набирающих значительную силу. Расхождение, пестрота и контрастность различных течений и идей в ситуации отечественной словесности XVIII в. (противоречивые соотношения религиозного и светского начал, динамика рассудочного и эмоционального и др.) подталкивают литературу, с одной стороны, к кризису. Однако, с другой стороны, при этом существенно возрастает роль цивилизаторского ядра культуры. То, что прежде существовало как теньевая база процессов, постепенно выходит на первые планы и выводит историко-литературный процесс на уровне нового качества.

Многое проясняет отношение новой книжной культуры к исконной фольклорной. Ещё в чёткой программе классицизма фольклор стал осмысляться как залог созидания новой национальной идеологии, как то, что определяет отличное от других лицо новой отечественной культуры. В этой связи через литературную культуру, её идеологию стремительно начался и рост национальной гордыни. Фольклор для России – залог, помощник своего, уникального пути в абсолют мировой истины, пути, на котором страна, в видении писателей, оставит далеко позади все иные края и страны. Тут как нельзя более кстати и подключается идеология Просвещения.

К середине первого века Нового времени для России, непосредственно предвосхищая искания авторов русского просветительского реализма, словесность приходит к ещё одному варианту-итогу «литературно-фольклорной диалектики». Речь идёт о представлениях касательно роли явления национальной типичности. Наметившись в бытовых комедиях А.П. Сумарокова («Рогоносец по воображению» и др.), затем эта тенденция преобразится в поисках русского

«прелагательного направления», теоретическая вершина которого – театральные трактаты В.И. Лукина, П.А. Плавильщикова (лукинский «Мот, любовию исправленный» (1765), весь построенный на борьбе западно-литературных, мелодраматических и фольклорных тенденций, представлял живой интерес ещё и в начале XIX в. для великого реформатора А.С. Грибоедова, о чём свидетельствуют наблюдения В.Н. Топорова [25, с. 354–365]). Наконец, продолжение именно этих закономерностей в просветительском реализме порождает представления о «типическом характере в экспериментальных обстоятельствах» (формула Ю.Б. Борева [10]), что наблюдается в пьесах Д.И. Фонвизина и В.В. Капниста или в малых жанрах прозы И.А. Крылова, особенно же – в баснях от Д.И. Фонвизина до А.Е. Измайлова и И.А. Крылова.

Идея о внесловной ценности человека также интерпретируется писателями просветительского реализма по-своему, с существенными отличиями от взглядов сентиментализма или предромантизма того же периода. Так, если сентименталисты придали этой идее характерную психологическую тональность (сострадание, сочувствие выступают как основы нравственного бытия человека), то в творчестве А.Н. Радищева, Д.И. Фонвизина, И.А. Крылова (а позже, в начале XIX в., и у М.В. Милонова, И.П. Пнина и ряда других молодых литераторов так называемого «радищевского кружка») представления о значимости личности вне зависимости от происхождения и сословной принадлежности приобретают ярко выраженный социальный, активно гражданственный характер. Д.И. Фонвизин своему видению проблемы ценности Истины в жизни человеческого общества, охваченного тиранией, посвящает известную «восточную» повесть «Каллисфен»; А.Н. Радищев в притчевой форме выходит к тем же размышлениям во второй смысловой части главы «Спасская полость», представляя читателю горестную историю некоего несправедливо оклеветанного молодого купца-дворянина.

В единое целое в системе просветительского реализма цементирует всё национальная идея. Учитывая как внутрилитературные, так и внелитературные факторы, можно говорить о таких двух важнейших понятиях, как *Долг* и *Добродетель*. Именно эти два концепта определяют связи и взаимодействия внешнего (государственно-идеологического) и внутреннего (психологического) аспектов в литературной культуре России Нового времени. Одной из своих смысловых вершин данные процессы достигают как раз в годы существования просветительского реализма (вторая половина XVIII – начало XIX в.).

С точки зрения соотношения концептов *Долга* и *Добродетели* в ретроспективном и перспективном контекстах вокруг системы просветительского реализма складывается достаточно контрастная ситуация. В науке всё ещё активны традиционные представления, согласно которым понятие *Долга* более присуще первой половине столетия (этот период канонически именуют *временем классицизма* – см. научно-методологические концепции А.С. Курилова [26], Ю.И. Минералова [27]), в то время как *идеология Добродетели* – феномен, во многом рождённый спецификой второй половины XVIII в., проходившей под знаком психологической революции сентиментализма-предромантизма, при значительном влиянии философско-этических учений масонства (такое видение проблемы мы встречаем и в классической монографии Н.Д. Кочетковой «Литература русского сентиментализма» [28]).

Действительно, на первый взгляд прозрачные параллели напрашиваются сами собою. Для панегирической одописи М.В. Ломоносова или высоких трагедий А.П. Сумарокова *Долг* в его философско-политическом понимании – одно из ключевых проявлений Идеала, Абсолюта. В то же время для новой дидактико-психологической лирики М.М. Хераскова, для системы прозы становящегося русского сентиментализма, для учения предромантиков о пересоздающем мир Гении – для всех явлений литературной культуры этого спектра очевиден иной эталон – *Добродетель* (именно этот идеал воспет в одноимённой дидактической масонской оде М.М. Хераскова («О добродетели» (1759))). Для литературной культуры России *Добродетель* неразъединимо связана с представлениями об искуплении дисгармонии через духовное страдание, в отличие от *Долга*, ориентированного на гармонию мироздания (потому и становится центром знаменитой повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» (1792) завещание матери главной героини: *Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слезы не капали...* (К.Б.Л.)).

Тут и кроется диалектическое противоречие, как объясняющее, так и стимулирующее интенсивное творческое развитие словесности России Нового времени. Суть его заключается в том, что чем дальше, на первый взгляд, расходятся идеологемы Долга и Добродетели, тем в действительности они внутренне ближе. Начнём с того, что понятие *Добродетели* как внутреннего этического стержня преобразования мира на его путях к Гармонии, свободно проявляется ещё у М.В. Ломоносова. Потому и звучат в панегирике *Елисавет Петровне* (ода 1747 г.) символические строки: *Душа Ея Зефира тише, / И зрак прекраснее рая...* (Л.О).

Неразрывной именно с такого рода представлениями о мире и месте человека в нём оказывается и *философия Долга*. Показательную для позднего Просвещения вариацию мы находим в высокой трагедии второй половины XVIII в. – у Я.Б. Княжнина в «Вадиме Новгородском» (1793), где дочь новгородского посадника объясняет свою любовь к чужеземному спасителю родного Новгорода как раз «одобродетеленным долгом»: *Не князя в Рурике, я Рурика люблю...* (К.В.Н.).

В целом, при возрастающей доле просветительского влияния, знакового для всей системы просветительского реализма, вырисовываются такие интересные закономерности:

- 1) *Долг* может принимать как внешнее, общественное обличье, так и внутреннее, личностное;
- 2) *Долг* внутренний осознаётся постепенно как наиболее действенный путь обретения истины, заключённой в общественном *Долге*;
- 3) именно союз/единство внешнего и внутреннего в идеологии *Долга* обеспечивает прогресс как общества, так и личности.

От русских од времени восхождения и расцвета классицизма к концепциям просветительской журналистики и драматургии середины XVIII в. и к открытиям отечественного просветительского реализма – цепочка эволюции и преемственности налицо. Своеобразным итогом выступают известные манифесты господина Стародума в фонвизинском «Недоросле». Союз и диалог идеологем *Долга* и *Добродетели* приводит далее и к классической утопической теории особого, государственного и личного, Оптимизма (показательна недавняя работа О.М. Гончаровой, посвящённая системному обзору комплекса модификаций

утопического просветительского начала в отечественной литературной культуре от XVIII к XX столетию [29]). Завершающая фаза этого Оптимизма – утверждение решающей роли личности, объединившей *Долг* и *Добродетель*, в преобразовании народа, государства и всего мира (А.В. Петров предлагает говорить применительно к рассмотрению эпохи последних десятилетий XVIII в. о философии и этике особого «исторического чувства» как стержне литературно-философского менталитета России [30, с. 99–117]).

В итоге просветительский реализм предстаёт системой и с точки зрения своей *социально-политической программы*⁵. Наиболее полно ведущие её положения были сформулированы А.Н. Радищевым («Дневник одной недели» (1773), «Жизние Фёдора Васильевича Ушакова» (1789), «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске по долгу звания своего» (1790) и ещё некоторые повести и трактаты в прозе, а также, вне сомнений, роман «Путешествие из Петербурга в Москву») и Д.И. Фонвизиным («Сокращение о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина» (1764), так называемое «завещание Панина» – «Рассуждение о неперемennых государственных законах» (1784) и др.). Хотя оба названных нами автора во взглядах на человека, мир и Россию достаточно сильно расходились (Радищев – сторонник радикальных трансформаций, допускавших и полное отрицание «правлящей надстройки» в современном ему российском обществе, а Фонвизин – за осторожные «конституционные» изменения, не посягающие на незыблемость института существующей власти), тем не менее ряд основополагающих их суждений, неразрывно связанных и с философией Просвещения (!), показательно совпадает. Оба писателя выступают за постепенное преобразование разного уровня структур современного общества на примере России. Результатом должна стать следующая картина реформ, разворачивающаяся по времени в несколько этапов:

а) выделение принципов воспитания лучших дворян и осмысление полученных результатов как целостной системы и «нравственного руководства к действию» (Стародум у Фонвизина и старый дворянин, главный герой главы «Крестьяцы» в радищевском романе – образы показательные и в отдельности, и в дополнение друг другу);

б) усвоение новой системы воспитания широкими слоями интеллигенции (Радищев, к примеру, смело допускает и приветствует вхождение в дворянство и лучших представителей других сословий, как в главе «Спасская полость» «Путешествия из Петербурга в Москву»);

в) осуществление просвещения купцов – и подготовка тем самым экономической основы предстоящих реформ (Фонвизин предлагает создать со временем новую «ударную силу» будущего общества, объединив в одно сословие интеллигенцию, купечество и выкупившихся/выкупленных крепостных крестьян);

г) просвещение крепостных крестьян (Радищев увидел один из ключевых нравственных идеалов в простой девушке Аняте, превратив её в главную героиню главы «Едрово» своего романа-предупреждения);

д) отмена крепостного права (обратим внимание: только после того, как к этому подготовлены и «хозяева»-дворяне, и «рабы»);

---

⁵ Ю.Б. Боров потому и акцентирует в своей концепции активное общественно-преобразующее начало в идеологии просветительского реализма

е) постепенная отмена сословных перегородок (общая аллегорическая картина нарисована в радищевской оде «Вольность» (1781); Фонвизин выступает в прикладном политико-социологическом аспекте несколькими годами раньше с идеей «слияния» нескольких сословий, о чём мы уже сказали выше);

ж) достижение общественного Идеала (для Фонвизина – просвещённая, конституционная монархия, для Радищева – Республика).

Завершая анализ идеологием системы просветительского реализма, отметим: важно иметь в виду и то, что направление это имеет целый ряд чётких отличительных черт и в тематико-типологическом плане на фоне русской словесности конца XVIII – начала XIX столетия.

Во-первых, одной из ведущих основ поэтики просветительского реализма в этом аспекте выступает особенного рода *типизация*, в равной степени психологическая (наследуется в новом качестве принцип «говорящих характеров» классицизма) и социальная. В «Недоросле» Д.И. Фонвизина, к примеру, герои ясно распределены и разведены по «лагерям», в том числе и по указанному признаку: *добродетельный* Стародум следует в жизни заповедям-идеалам эпохи Петра Первого, а *злонравная* госпожа Простакова по-своему трактует популярнейший в екатерининское время указ «о вольности дворянской» и в целом достаточно искусно пользуется всеми «лазейками», предоставлявшимися дворянской элите именно в эти годы.

По обрисовке внутренней стороны характера просветительский реализм ещё следует отчасти «правилу Абсолюта», актуальному для поэтики классицизма (конфликт «злонравных помещиков» и «добродетельных дворян» в «Недоросле», проблема Истины и Власти в кривом зеркале повести И.А. Крылова «Кайб» и т. п.), но воссоздание быта и идей времени идёт уже в согласии с принципами реализма. Примерами могут послужить как детальное описание «чёрной» крестьянской русской избы в «Отрывке путешествия в *** И***Т***» (1772) (одна из центральных публикаций известного и наиболее острого журнала Н.И. Новикова «Живописец»), так и «портрет времени» в пьесах Д.И. Фонвизина «Корион» (1764), «Бригадир» (1769), «Недоросль» (1789).

Проблема типизации, в свою очередь, связана самым тесным образом с характерным для произведений этого направления *дидактическим аллегоризмом*. Он может отражаться как на жанровом уровне («восточная» повесть, к примеру, позволяет писателям «перенарядить» злободневные острые социальные проблемы в одежды иной культуры – и тем самым нанести власти ощутимый, но замаскированный удар), так и на уровне идей. Известно, что гротесковыми аллегориями блестяще пользовался в политических целях один из предшественников русских авторов в этом плане – Джонатан Свифт («Путешествия Гулливера»). Приём «обнажённых» аллегорий становится одним из ведущих в романе А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», в главе «Спасская полесь» которого богиня-Истина сама приходит к порочному правителю в облике нищенки Прямовзоры, чтобы снять с его глаз уродливые бельма, непроницаемые для света правды и добра. Заходя чуть вперёд, заметим, что живо откликается на эту новую тенденцию и жанровый «состав» произведений просветительского реализма: на одну из лидирующих позиций практически сразу же выходит басня (от первых полупереводов Д.И. Фонвизина 60-х годов XVIII в.

до произведений А.Е. Измайлова и, наконец, высших образцов в этом роде у И.А. Крылова в первой четверти XIX столетия).

Чаще всего используют писатели русского просветительского реализма фигуры аллегории, когда стремятся выйти на проблемы гражданственного и нравственного воспитания личности и общества. В этом отношении наиболее востребованной в произведениях становится модель соотношения образов «учителя», «истинного ученика» и так называемого «не-ученика» (или «ученика ложного»). Восходит эта традиция к интерпретации библейской мифологии в литературе Нового времени, а затем, уже в более позднюю эпоху, претерпевает интересные изменения в литературе так называемого русского «магического» («фантастического», «мистического») реализма конца XX – начала XXI в., в том числе через развитие так называемой булгаковской традиции представителями философской онтологической фантастики – в творчестве братьев Стругацких (роман «Отягощённые злом, или Сорок лет спустя» (1986)) и некоторых других.

Наставить на путь Истины царя Александра Македонского приходит в роли учителя ученик Аристотеля Каллисфен – главный герой одноимённой повести Д.И. Фонвизина. В фонвизинской драматургии ту же роль, и ещё более масштабно, исполняет Стародум, «партию» которого дополняют молодые люди с говорящими именами: *Софья* (= мудрость), *Правдин* (= правда), *Милон* (= милый). Соответственно, «ложным» учеником предстаёт в том же «Недоросле» показательно дискредитирующий себя в своих познаниях Митрофан.

Роман А.Н. Радищева в известном смысле даже перенасыщен образами «учителей», которые встречаются на разных уровнях – и на сюжетно-образном (господин Крестьянкин, «крестицкий» дворянин), и на идейно-тематическом (богиня Прямовзора в сне путешественника в главе «Спасская полесь», а прежде всего – и сам повествователь, с первой же строки открыто воспитывающий читателя через пафос страдания сердца и разума (этот главный стимул к написанию всего произведения представлен на его первой странице): *Душа моя страданиями уязвлена стала...* (Р.П.)).

М.В. Милонов в одной из сатир 1800-х годов выходит, одним из первых в русской литературе, к новому осмыслению проблемы общественного суда в словесности: *Лишь книга добрая явиться в свет не смеет – / А вздорная везде заступников имеет...* (М.Л). Своеобразным завершением этой традиции можно считать «романы воспитания» 1800–1820-х гг. в творчестве А.Е. Измайлова («Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества» (1799–1801)) и В.Т. Нарезного («Аристион, или Перевоспитание» (1822) – как прямое преддверие гоголевских «Мёртвых душ»⁶). В конечном итоге отмеченный нами *дидактический аллегоризм* – проявление той общефилософской тенденции, которую Ю.Б. Борев обозначил как «стремление поставить типические характеры не в типические, а в экспериментальные обстоятельства» [10, с. 211].

Для просветительского реализма – и это ещё одна его существенная типологическая примета – характерен достаточно ярко выраженный *направленческий синкретизм*, открытость влиянию (в синхронии и диахронии) других литературных

⁶ В романе Нарезного в путешествии по порочным помещикам героя сопровождает добродетельный друг-наставник, комментирующий все наиболее острые моральные и социальные проблемы и помогающий ему тем самым нравственно переродиться.

явлений. В творчестве Д.И. Фонвизина, А.Н. Радищева и И.А. Крылова в единстве реализуются, к примеру, три ведущих идейно-тематических начала:

- *социальная критика*, вырастающая на почве тенденций, наследуемых из классицистических жанров сатиры и оды;
- собственно *просветительская проповедь*;
- поэтика *высокого сентиментализма*.

Ведущей целью в первом случае становится обличение власти: как института общества в целом (пародийный вариант – в повести И.А. Крылова «Каиб», радикально-революционный – в оде А.Н. Радищева «Вольность») и как конкретного воплощения зол в жизни государства через конкретных их носителей/представителей (в этом отношении показательна развёрнутая критика двора императрицы в устах главного идеолога фонвизинского «Недоросля» – господина Стародума).

Проповедническое начало выражено в том, что многие произведения просветительского реализма объединены риторическим образом путешественника-идеолога, выступающего одновременно и изгоем общества, и его пророком (мудрый слепец в главе «Клин» радищевского романа, Каллисфен и Стародум в творчестве Д.И. Фонвизина). Обращение к поэтике подобного образа мы найдём и в саркастической «восточной» повести И.А. Крылова «Каиб», где в поисках счастья эту роль берёт сознательно на себя некогда жестокий правитель.

Немецкий исследователь Герхард Дудек в одном из разделов коллективной монографии «А.Н. Радищев и Германия» (Лейпциг, 1967) предложил рассматривать и русскую поэзию в свете представлений о гражданственно активном проповедническом начале. С точки зрения учёного, процесс становления идеального образа «общественно активного» поэта испытывал при этом в русской литературе 1760–1810-х годов одновременно знаковое воздействие «высокого» классицизма, сентиментализма и реализма (от творческих систем А.Н. Радищева и И.А. Крылова до сатир и дидактической лирики М.В. Милонова) [31, S. 79–106].

Одним из важнейших приоритетов на идейно-образном уровне становится архетипический образ «женщины-ангела», связанный с поэтикой высокого сентиментализма. Именно так все «идеальные мужчины» в «Недоросле» воспринимают Софью; А.Н. Радищев в главе «Едрово» выходит именно через подобный образ добродетельной крестьянки Анюты на главную для его «Путешествия...» проблему природной чистоты, мудрости и нравственной ответственности. Даже И.А. Крылов, проведя заглавного героя в повести «Каиб» через целый ряд разоблачений, находит для него своеобразное оправдание и спасение в любви к юной прекрасной страдающей Роксане.

Не абсолютизируя этот отмеченный нами фактор направленной пестроты просветительского реализма, тем не менее заметим, что, по-видимому, этот момент и привёл в своё время Ю.В. Стенника к не совсем справедливому отрицанию реалистической природы метода пьесы «Недоросль»⁷.

---

⁷ Другой обстоятельный критик концепции просветительского реализма, В.А. Западов, как раз наоборот, именно пьесу Д.И. Фонвизина склонен был считать одновременно и началом раннего русского реализма, и его вершиной, назвав год её выхода – 1781-й – знаковой датой в истории русской литературы [16, с. 58–66].

3. Система жанров русского просветительского реализма

Оправданием и доказательством существования просветительского реализма в истории русской литературной культуры рубежа XVIII – XIX вв. служит и тот факт, что направление это имело свой устойчивый жанровый комплекс.

В прозе просветительского реализма всё определялось взаимодействием жанровых разновидностей повести и романа. В случае с повестью мы можем говорить о двух лидирующих её разновидностях: о так называемой «*восточной*» повести («Каллисфен» Д.И. Фонвизина, «Кайб» И.А. Крылова и ряд других примеров у менее известных писателей (см. [32])) и о *философской повести-трактате* (она восходит к традициям дидактической прозы конца XVII – первой трети XVIII в. и представлена показательно в творчестве А.Н. Радищева: «Дневник одной недели» (1773) и др.).

При раздвижении художественных и философских границ второй из разновидностей становится возможен в русской литературе конца XVIII в. и процесс возникновения крупной формы – *социально-политического философского романа*⁸. Игровая вариация его представлена ранними романами Ф.А. Эмина, писателя, который стоит у истоков русского сентиментализма («Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философские, физические и военные его с сыном своим разговоры, постоянная жизнь и жестокость фортуны, его гонящей» (1763)). Бесспорный лидер в публицистической вариации просветительского романа – «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева.

Иное русло романного жанра образует так называемая *нравоописательная проза*, подготавливающая в русской литературе *роман воспитания*. Первые «намётки» мы увидим в неоконченной исповеди Д.И. Фонвизина «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» (1791), далее, уже в беллетризованном варианте, показательны «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и общества» А.Е. Измайлова и «Аристион, или Перевоспитание» В.Т. Нарезного⁹.

В поэзии просветительского реализма интересно сосуществуют сатирические и философские тенденции. Д.И. Фонвизин дебютирует *сатирическими посланиями* («Послание к слугам моим Шумилу, Ваньке и Петрушке» (1762)). В начале XIX в. М.В. Милонов успешно возрождает жанр сатиры (небезынтересно, что сатира «К Рубеллию» (1810) непосредственно предвещает по стилистике и тематике известное стихотворение К.Ф. Рылеева – «К временщику» (1826)). А.Н. Радищев в разные годы, в том числе и в годы ссылки, обращается к жанру *философской миниатюры* («Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?» (1791), «Сафические строфы» (1801), «Осьмнадцатое столетие» (1802)). Одной из ведущих идеологических тем становится при этом в его поэзии

⁸ В случае с жанром романа в системе просветительского реализма характерный синкретизм проявляется и на более локальных уровнях – идейно-тематическом и жанровом. Так, С.Н. Травников и Л.А. Ольшевская доказательно усматривают в модели «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева параллельное сосуществование целого спектра жанров древнерусской словесности [33, с. 156–157].

⁹ Подробнее об основных закономерностях эволюции нравоописательной прозы, в том числе в русле тенденций просветительского реализма, см. [34]. Важна и ещё одна закономерность, уже прямо антонимичного толка: просветительская идеология может направить свои силы и *против* жанра романа. В случае если жанр не соответствует задачам высокой дидактики/воспитания, возникает стремление разрушить «культурный миф» о так называемом *романе-развертателе* [7].

характерный для идей просветителей о внесловной ценности личности культ человеческого достоинства: *Не скот, не дерево, не раб, но человек!* (Р.Т.Х.).

На границе двух этих тенденций утверждает себя и жанровый лидер – *басня* (в творчестве Д.И. Фонвизина, И.А. Крылова, А.Е. Измайлова). Именно в жанре басни находит наиболее законченное и художественно совершенное решение характерный дидактический аллегоризм – вспомним чёткую социальную мораль в одной из поздних басен Фонвизина «Лисица-кознодей» (1774): *...Чему дивишься ты, / Что знатному скоту льстят подлые скоты?* (Ф.Л.К.).

В драматургии главное внимание переносится писателями просветительского реализма на модификации *комедийного начала*¹⁰ в высоком («высокая» комедия) и игровом его вариантах (в этом случае интересный дуэт образуют жанры водевиля и комической оперы). Черты «высокой» комедии наиболее полно воплотились в пьесах Д.И. Фонвизина («Бригадир», «Недоросль», отчасти – незавершённая комедия «Выбор гувернёра» (1792)), В.В. Капниста («Ябеда» (1798)) и А.С. Грибоедова («Горе от ума» (1824)). Игровые вариации представлены в раннем драматургическом творчестве Д.И. Фонвизина («Корион» (1764)) и И.А. Крылова («Кофейница» (1783)), а в первой трети XIX столетия – у П.А. Вяземского и А.С. Грибоедова (интересен их совместный театральный проект «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (1823)).

Несколько особняком оказывается внутри системы «игровой» комедиографии просветительского реализма сатирико-гротескная традиция. Она может как раствориться в традиционной жанровой форме, так и дать новое жанровое качество. К примеру, в творчестве А.А. Шаховского (которого А.С. Пушкин метко назвал, как мы помним, «колким» в знаменитом своём романе в стихах «Евгений Онегин») побеждает *литературная пародия*, представленная в его скандально известной в начале XIX в. пьесе «против карамзинистов» «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815). Новаторство наглядно проявляется в драматургическом творчестве И.А. Крылова, где на рубеже XVIII и XIX в. возникает один из наиболее сложных и до сих пор ещё не до конца осмысленных наукой жанров отечественной драматургии – так называемая *шутотрагедия*¹¹.

Источники

Р.Ж. – *Радищев А.Н.* Житие Фёдора Васильевича Ушакова. – URL: http://rvb.ru/18vek/radishchev/01text/vol_1/03prose/019.htm, свободный.

С.М. – *Словцов П.А.* Материя. – URL: <https://ru.wikisource.org/wiki>, свободный.

Р.П. – *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. – URL: http://az.lib.ru/r/radishew_a_n/text_0010.shtml, свободный.

¹⁰ Трагедия как жанр при этом отнюдь не отрицается, но, как правило, создаётся драматургами при господствующей роли поэтики предромантизма, лишь с локальным включением идей, близких просветительскому реализму. Интересные примеры есть в творчестве Я.Б. Княжнина, В.А. Озерова и ряда других писателей.

¹¹ Хотя некоторые современные исследователи и склонны относить данный феномен к господствовавшему в те годы предромантизму, заметим, что этому направлению в жанре шутотрагедии буквально открыто противостоят политическая тенденциозность, нагнетание приёмов гротесковой поэтики, прозрачное следование законам аллегорической дидактики и т. д. Учитывая отмеченные нами тенденции в идеологической системе русского просветительского реализма, мы считаем наиболее закономерным относить шутотрагедию (по крайней мере – в господствующем крыловском её варианте) именно к просветительскому реализму.

- Ф.Н. – *Фонвизин Д.И.* Недоросль. – URL: <http://ilibrary.ru/text/1098/p.1/index.html>, свободный.
- К.Б.Л. – *Карамзин Н.М.* Бедная Лиза. – URL: <http://lib.ru/LITRA/KARAMZIN/liza.txt>, свободный.
- Л.О. – *Ломоносов М.В.* Ода на день восшествия на всероссийский престол Ея Величества Государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года. – URL: http://rvb.ru/18vek/lomonosov/01text/01text/01ody_t/010.htm, свободный.
- К.В.Н. – *Княжнин Я.Б.* Вадим Новгородский. – URL: http://az.lib.ru/k/knjazhnin_j_b/text_0030.shtml, свободный.
- М.Л. – *Милонов М.В.* К Луказию. – URL: http://rvb.ru/18vek/poety1790_1810/01text/26milonov/178.htm, свободный.
- Р.Т.Х. – *Радищев А.Н.* Ты хочешь знать: кто я? – URL: http://rvb.ru/18vek/radishchev/01text/vol_1/02versus/007.htm, свободный.
- Ф.Л.К. – *Фонвизин Д.И.* Лисица-кознодей. – URL: <http://rvb.ru/18vek/fonvizin/01text/vol1/02poetry/006.htm>, свободный.

Литература

1. *Гуляев Н.А.* О своеобразии просветительского реализма // Филол. науки. – 1966. – № 2. – С. 165–176.
2. *Орлов В.Н.* Русские просветители 1790–1800-х годов. – М.: Гослитиздат, 1953. – 544 с.
3. *Фохт У.Р.* Развитие реализма в русской литературе XIX века // Изв. АН СССР. Отд. лит и яз. – 1957. – Т. XVI, вып. 1. – С. 18–33.
4. *Фохт У.Р.* Типологические разновидности русского реализма // Проблемы типологии русского реализма. – М.: Наука, 1969. – С. 39–80.
5. *Кулакова Л.И.* Просветительство и литературные направления XVIII века // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 163–172.
6. *Лаппо-Данилевский Р.Ю.* Воспитательный пафос русского Просвещения // Рус. лит. – 2003. – № 3. – С. 187–190.
7. *Приказчикова Е.Е.* Культурный миф о романе-развратителе и способы его преодоления в русской литературе эпохи просвещения // Филол. науки. – 2009. – № 4. – С. 74–86.
8. *Макогоненко Г.П.* Русское Просвещение и литературные направления XVIII века // Рус. лит. – 1959. – № 4. – С. 23–53.
9. *Макогоненко Г.П.* От Фонвизина до Пушкина. – М.: Худож. лит., 1969. – 508 с.
10. *Борев Ю.Б.* Просветительский реализм // Теория литературы: в 4 т. – М.: ИМЛИ РАН, 2001. – Т. 4. – С. 205–211.
11. *Степанов Н.Л.* Просветительский реализм XVIII – начала XIX в. // Проблемы типологии русского реализма. – М.: Наука, 1969. – С. 160–209.
12. *Степанов Н.Л.* Просветительский реализм // Развитие реализма в русской литературе. – М.: Наука, 1972. – Т. 1. – С. 203–216.
13. *Глухов В.И.* Становление реализма в русской литературе XVIII – начала XIX в. – Волгоград: Волгоград. пед. ин-т, 1976. – 231 с.
14. *Кожин В.В.* Размышления о русской литературе. – М.: Современник, 1991. – 524 с.

15. *Стенник Ю.В.* К вопросу о реализме в русской литературе XVIII века // Рус. лит. – 1982. – № 4. – С. 55–76.
16. *Западов В.А.* Литературные направления в русской литературе XVIII века. – СПб.: ИМА-Пресс, 1995. – 80 с.
17. *Кулакова Л.И.* Проблема характера в русской комедии XVIII века (К вопросу о генезисе русского реализма) // Проблемы жанра в истории русской литературы. – Л.: ЛГПИ, 1969. – С. 39–57.
18. *Болдырев А.И.* Проблема человека в русской философии XVIII века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 120 с.
19. *Фёдоров В.И.* Литературные направления в русской литературе XVIII века. – М.: Просвещение, 1979. – 154 с.
20. *Курилов А.С.* О мировом значении русской литературы XVIII века // Рус. словесность. – 2005. – № 8. – С. 20–22.
21. *Петров А.В.* Становление художественного историзма в русской литературе XVIII века. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2006. – 288 с.
22. *Воронин Т.Л.* История русской литературы XVIII столетия. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – 304 с.
23. *Ерасов Б.С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. – М.: Наука, 2002. – 524 с.
24. *Орлова И.Б.* Евразийская цивилизация. – М.: Норма, 1998. – 275 с.
25. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н.Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга I. – М.: Яз. рус. культуры, 2001. – 912 с.
26. *Курилов А.С.* Классицизм в русской литературе: исторические границы и периодизация // Филол. науки. – 1996. – № 1. – С. 12–22.
27. *Минералов Ю.И.* История русской словесности XVIII века. – М.: Владос, 2003. – 257 с.
28. *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма. – СПб.: Наука, 1994. – 282 с.
29. *Гончарова О.М.* «И так бы сделал душу чисту...» (Русская утопическая этика и литература) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. – СПб.; Самара: НТЦ, 2007. – Вып. 13. – С. 419–432.
30. *Петров А.В.* Становление художественного историзма в русской литературе XVIII века. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2006. – 288 с.
31. A.N. Radicev und Deutschland: Beiträge zur Russischen Literatur des ausgehenden 18 Jahrhunderts. – Berlin: Akademie-Verlag, 1969. – 132 S.
32. *Кубачева Н.В.* «Восточная» повесть в русской литературе XVIII – начала XIX века // XVIII век. – Л.: Наука, 1962. – Сб. 5. – С. 295–315.
33. *Травников С.Н., Ольшевская Л.А.* История русской литературы XVIII века: практикум – М.: Высш. шк., 2004. – 359 с.
34. *Козыро Л.А.* Русская нравоописательная проза последней трети XVIII века: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1975. – 187 с.

Поступила в редакцию
21.10.15

Пашкуров Алексей Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: anp.72@mail.ru

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI

(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 1, pp. 146–166

The System of Educational Realism as a Scientific Problem*A.N. Pashkurov**Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia**E-mail: anp.72@mail.ru*

Received October 21, 2015

Abstract

The present paper for the first time deals comprehensively with the problem of Russian educational realism as a system in the national literary culture of the 1760s–1820s in the context of basic literary discussions of the second half of the 20th and the beginning of the 21st centuries. The hypothesis of the core role of this phenomenon in the development of Russian literature at the turn of the 18th–19th centuries, its syncretical orientation, as well as genre and thematic character is introduced.

The prognostic conclusions about the holistic ideology of educational realism in Russia from the perspective of the leading concepts of rationality/emotionality, duty/ virtue, value of a human person without regard to their social class are drawn on the basis of a wide range of historical-literary and literary-theoretical materials. Furthermore, ways of finding prospects for investigating ideologemes of the educational realism and the Enlightenment in the focus of the so-called “middle culture” tasks in its genesis and development are also outlined in the paper.

Autonomy of the genre system of the educational realism movement with interpenetration of prose, poetry and drama, which is peculiar to it, is proved in the paper under review on the basis of the most recent scientific data.

The structure of the present paper is defined in line with the described research paradigms and obtained analytical results. A systemic review of the basic discussions in literary studies on the phenomenon of educational realism, its existence and meaning is given in its first part. Dwelling on the concepts of both adherents of this idea and its opponents, the author of the article comes to the conclusion about the crucial significance of the concepts of “educational realism”, in particular in the Russian historical-literary process of the last third of the 18th–the first decades of the 19th centuries. Educational realism is one of the key embodiments of the Enlightenment in Russian literature, the first stage of realism development as artistic vision, and the unique epilogue of the national literary culture of the 18th century. The second section of the paper is devoted to analysis of the ideological and thematic, philosophical and esthetical levels of the Russian educational realism system in the context of generating tasks of the “middle culture” of that time. The author’s position on the problem of genre systematicity of the national educational realism of the period of interest is proposed in the third (concluding part) of the work.

Keywords: educational realism, literary discussions, Enlightenment ideology, “middle culture”, evolution of Russian literature genre system

Для цитирования: Пащуров А.Н. Система просветительского реализма как научная проблема // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 1. – С. 146–166.

For citation: Pashkurov A.N. The system of educational realism as a scientific problem. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 1, pp. 146–166. (In Russian)